

Постапокалипсис и постистория*

Б. Г. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Соколов Б.Г. Постапокалипсис и постистория // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т.39. Вып.2. С.274–288. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.206>

В современном сознании сохраняется «классическая» для новоевропейской ментальности историчность и эсхатологичность, принимая вид постисторичности и постапокалиптичности. Подобное состояние историчности можно зафиксировать в моделях рассмотрения исторического процесса и ожидания конца истории как работах современных авторов, так и на уровне «повседневных» практик, использующих и эксплуатирующих историю и фигуру апокалипсиса. Стоит отметить, что современные ожидания апокалипсиса носят уже не столь трагический характер, а исторический процесс выстраивается в логике «конца истории». Все это позволяет маркировать современную ситуацию как ситуацию постисторизма и постапокалипсиса, которые разворачиваются с новыми диспозитивами постинформационного общества. В данной статье предлагается как выявление основных позиций и генезиса историзма и тесно с ним связанных ожиданий конца истории, но и нескольких современных концепций истории. Сам анализ ведется не с позиций «адекватности» или «ложности» предлагаемых концепций, но с позиций выявления в подлежащих рассмотрению концепций структуры и исторической размерности сознания автора. С этой точки зрения концепции рассматриваемых в статье современных авторов — это отражение новой постисторичности «постинформационного» сознания. Как примеры современной постисторичности и ее отличий от «классического» историзма и эсхатологизма новоевропейской традиции автор статьи рассматривает историзм в работах современных мыслителей Ж. Бодрийера и Фр. Фукуямы. Исторические концепции Фукуямы и Бодрийера отражают современное состояние историзма, который можно маркировать как постисторизм, который, все еще сохраняя прежнюю «ностальгию» по истории, уже не фиксирует в современности, несмотря на возрастающую скорость перемен и перерастанию общества в глобальное кластерное постиндустриальное общество, кардинальное развитие и акторов, которые способны это развитие реализовать.

Ключевые слова: постапокалипсис, постистория, историзм, Фукуяма, Бодрийер, история сознания, новоевропейская культура.

Конечно, ныне апокалипсис уже не тот. «Мельчает» и «мутирует» в соответствии с общим дрейфом культуры на сиюминутность и «жареность». В самом деле, на памяти людей моего поколения ожиданий «апокалипсисов» было несколько. Одни были масштабом поменьше и локальные, другие — покрупнее и захватыва-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук».

ли в сети нервного напряжения глобальные аудитории. Наиболее известные — это ожидание «конца света» в 2000 и 2012 гг. Первый «апокалипсис», 2000 г., результативался в беспокойство по поводу возможного сбоя компьютерных систем: «В конце девяностых мир переживал за компьютерные системы, которые обещали вот-вот отказать. Эксперты запугивали, что при наступлении 2000 г. софт не сможет корректно обработать дату, и мир погрузится в хаос: отключатся платежные системы, биржи встанут, откажет любая электроника» [1].

Результат этого «апокалипсиса-2000» поэтому оказался комично предсказуем: «Первого новорожденного в 2000 г. в Дании зарегистрировали столетним.

Клиент салона видеопроката в Нью-Йорке вернул кассету с фильмом “Генеральская дочь” вовремя, но получил штраф в 91 250 долларов за просрочку длиной в век. Ошибку немедленно исправили.

Перевод в 6 миллионов долларов от 30 декабря 1899 г. поступил на банковский счет жителя Германии. История умалчивает, как долго он продержался миллионером.

Подверженная багу 2000 года полицейская система превратила подростков в стариков. Криминальные сводки рассказывали о сексуальных домогательствах в отношении 83-летней женщины от 80-летнего мужчины и двух пропавших подростков в возрасте 83 и 84 лет» [1]. И никаких всадников, никаких снятий печатей, и уж — упаси Бог — никакого последнего Страшного суда над грешниками...

Второй «апокалипсис», «апокалипсис-2012» не менее курьезен. Вот как описывает его ожидание эсхатологически-инфицированными и экзальтированными нашими современниками «Википедия»: «Конец света в 2012 году — комплекс широко распространенных эсхатологических заблуждений, согласно которым 21 (или 23) декабря 2012 года должен был случиться глобальный катаклизм или произойти фундаментальная трансформация мира. Эта дата рассматривалась как последняя в 5125-годичном цикле мезоамериканского календаря, построенного на основе длинного счета. Для обоснования даты были предложены различные теории, такие как теория “галактического выравнивания” и нумерологические формулы, но ни одна из них не была признана в научной среде» [2].

Стоит ли особо акцентировать, что ничего подобного не случилось, несмотря на постоянный и подогреваемый СМИ новостной шум? Полагаю, что нет.

Да и — если честно сказать — никто особенно в эти «апокалипсисы» не верил, подобно тому, как мало кто верит в астрологические прогнозы или пророчества различных «Ванг».

Но при всей этой пародийности и комичности факт остается фактом: в нашу культуру и наше сознание вмонтирован эсхатологизм, пускай он и принимает ныне карикатурные формы. И это — не только отражение болезни нашего новоевропейского сознания, но и вполне определенная модель, матрица, структура сознания, которая постоянно означает в реальности. Пускай и в довольно комичном виде. Именно по этой причине — вмонтированности в наше сознание эсхатологизма — не счесть примеров постоянного ожидания завершения истории, от видений разного рода пророков или фильмов-катастроф до «научно-обоснованных» моделей завершения истории или гибели вселенной.

Итак, «диагноз» новоевропейского сознания: вмонтированный в его структуры и формы эсхатологизм, ожидание завершения истории. Конечно, подобная кон-

фигурация типажа сознания, бережно сохраняющая архетип завершенности, тесно связана с двумя моментами. Первый — это приоритетная фиксация временной зоны будущего, которое довольно резко оторвано от горизонта настоящего и прошлого. Причем эта оторванность зоны Будущего полагается преференция по отношению к прошлому и настоящему. Второй, не менее важный, момент, который, как и первый, «материализуется» в каждом индивидуальном сознании представителя нашей культуры, — это историзм, принимающий вид универсальной истории, т. е. универсальный историзм. Речь идет о том историзме, который является универсальной моделью описания временного как истории стран, народов, наконец, всего человечества, так и всей конституируемой нами реальности.

Сам эсхатологизм как модель функционирования новоевропейского сознания связан с проективностью и историчностью данного типа сознания. Именно эти два взаимосвязанных момента мы рассмотрим более подробно.

Проективность и фигура Будущего

Когда в своей работе «Закат Европы» О. Шпенглер критикует примитивную и европоцентричную по своей сути схему стадий исторического развития «Древний мир — Средние века — Новое время», предлагая понимать историю как историю различных культур, он фиксирует одно довольно интересное обстоятельство, которое касается происхождения этой схемы: «Схема “Древний мир — Средние века — Новое время” в своем первоначальном замысле есть создание магического мироощущения, впервые выступившее в персидской и иудейской религии со времен Кира, получившее в учении книги Даниила о четырех мировых эпохах апокалиптическую редакцию и принявшее форму всемирной истории в после-христианских религиях Востока, прежде всего в гностических системах» [3, с. 147].

И немного далее: «Лишь на западной почве путем добавления третьей эпохи — нашего “Нового времени” — в картину эту проникла тенденция движения. Восточная картина была покоящейся, замкнутой, застывшей в равновесии антитезой с однократным божественным действием в самом центре. Воспринятая и несомая человеком совершенно нового типа, она вдруг растянулась — и притом так, что никем не была осознана странность подобной перемены, — в гештальт некой линии, ведущей вверх или вниз от Гомера или Адама — возможности нынче обогатились индогерманцами, каменным веком и человекообезьяной — через Иерусалим, Рим, Флоренцию и Париж, в зависимости от личного вкуса историка, мыслителя или художника, с неограниченной свободой интерпретировавших эту трехчастную картину.

Таким образом, к дополнительным понятиям язычества и христианства прибавили заключительное понятие “Нового времени”, которое по своему смыслу не допускает продолжения процедуры и, после неоднократных “растягиваний” со времен крестовых походов, оказывается неспособным к дальнейшему удлинению. Молчаливо придерживались мнения, что здесь, по ту сторону Древнего мира и Средних веков, начинается нечто окончательное, Третье Царство, таящее в себе каким-то образом некое исполнение сроков, некую кульминацию, цель, постижение которой каждый, начиная со схоластиков и до социалистов наших дней, приписывает только лишь себе» [3, с. 148].

В этих пассажах О. Шпенглер не только фиксирует генезис и развитие универсального и эсхатологического понимания истории, но и выделяет один существенный момент, который нас интересует сейчас, а именно продление-растягивание (вплоть до бесконечности) истории и, соответственно, возникновение совершенно уникальной зоны Будущего, которого не знала ни Античность, ни иудейская культурная традиция. Фактически речь идет о так называемой проективности, преференции зоны Будущего, которая возникает как экзистенциальное и страстное ожидание апокалипсиса у ранних христиан. Как раз это ощущение близости того Будущего, которое вынесено за пределы истории как конкретного человека, так и человечества вообще, эсхатологизм, породило те жертвенность и фанатизм, которые были свойственны в гипертрофированном виде первым христианам. Именно подобное мироощущение было свойственно первому поколению (и, конечно, последующим поколениям) последователей Христа, которые создали фактически особую «зону», «стиль» проживания времени, в котором Будущее «подавляло» другие времена и центрировало их смысл на себе. Конечно, статус и смысл будущего в эсхатологии раннего христианства отличаются от того будущего, которое «вмонтировано» в понимание и проживание времени в новоевропейской культуре, однако в своих сущностных моментах раннехристианское временение, в котором будущее представляется как доминирующий и центрирующий горизонт временения, во многом тождественно новоевропейскому пониманию и смыслу временения.

Итак, мы зафиксировали преференцию будущего как характеристику новоевропейской ментальности, сознания, а также его исток в предшествующих культурных традициях. Структура временения, в которой зона будущего обладает онтической и экзистенциальной преференцией, по своей сути проективна, ибо определяет центрацию временения на открытом горизонте будущего. В этом горизонте временения историчность всего сущего (т.е. погруженность в историческую перспективу и размерность) определяется из будущего: не настоящее пишет историю (о чем немало сказано и говорится поныне в свете постоянных пересмотров и боев за единственно верное понимание истории), но именно будущее. Именно будущее, а не настоящее определяет смысл и значение исторического события и исторического свершения. Примат будущего выстраивает, таким образом, проективность историзма, т.е. его центрирование и определенность из будущего. Однако тематизация и научная фиксация самой проективности произошли значительно позднее того времени, когда были созданы наиболее значительные универсальные истории (от Вико и Гегеля до Маркса и Шпенглера). Лишь на рубеже XIX и XX вв. в области философской рефлексии была зафиксировано то сущностное свойство человеческой экзистенции, которое маркировалось сначала как интенциональность (разрывающая данность наличного), а потом проективность. Именно в XX в. фиксация и тематизация преференции зоны Будущего стали важнейшими положениями философской антропологии (М. Шелер, Г. Плеснер) и экзистенциальной мысли. Конечно, эти два философских течения с разных философско-культурных позиций описывали и исследовали проективность как базисную характеристику человека, различаясь «в деталях», но в сущности сходясь в том, что горизонт Будущего является зоной онтической преференции.

Конечно, в формате экзистенциальной или философско-антропологической мысли проективность полагалась как свойство человека вообще, т.е. свойство, не

зависящее от того, к какой культурной традиции принадлежит конкретный человек, его сознание или его научная концепция. Однако наш беглый анализ истоков проективности, которая уходит своими корнями в раннехристианскую эпоху (и даже раньше), показал, что временная преференция будущего, которая является «основой» формирования проективности, свойственна не каждой культуре и, соответственно, не каждому типу сознания. Сознание человека прекрасно работало и продолжает работать в той ситуации, когда не существует примата и преференции будущего. Как иллюстрацию подобного положения дел мы можем привести пример ряд языков, фиксирующих схему временения в своих глагольных формах, в которых отсутствует будущее время. Стоит ли говорить о том, что проективность без наличия будущего для подобных типов языков и соответствующих им типажей сознания, не представляется возможной.

Поэтому мы можем утверждать, что проективность, которая тесно связана с эсхатологизмом и универсальным историзмом, является свойством лишь особого типажа сознания, а именно новоевропейского сознания, которое является доминирующим типом сознания в Европе, Америки и, без сомнения, в России.

Надо сказать, что новейшие тенденции, которые во многом нигилируют фигуру Будущего — интернет живет в целом во вневременье настоящего, — все же используют и эксплуатируют проективность и ценность Будущего. Как пример можно привести «торговлю будущим», которая свойственна современному интернет-предпринимательству. Бизнес в сети также использует ресурс и преференцию Будущего в своих вполне прагматических целях: «В то время как финансовые инвесторы, — заявляет «гуру осмысления интернета» Мануэль Кастельс, — пытаются делать деньги на своих прогнозах будущего состояния рынка или просто держа пари на него, интернет-предприниматели торгуют будущим, потому, что они верят, что смогут построить его. Используя свой технический опыт и знания, они создают продукты и процессы, которые, по их убеждению, смогут завоевать рынок. Следующий важный шаг — убедить финансовые рынки в том, что *будущее начинается именно здесь* (курсив мой. — Б. С.), а затем попытаться во что бы то ни стало продать эту технологию пользователям, произведя соответствующую прогностическую под подготовку» [4, с. 76].

Положенность проективности как базовой характеристики новоевропейского сознания и культуры отнюдь не означает, что предшествующие эпохи и культуры и соответствующие им типажы сознания не знали и не фиксировали горизонта будущего. Подобное утверждение вряд ли корректно и оправдано: даже в мифологическом сознании практики гадания недвусмысленно указывают на экзистенциальное беспокойство перед грядущим и наступающим. Человек всегда и везде был обеспокоен наступающим будущим, планировал, стремился предвидеть, что его ожидает в отдаленной и не очень временной перспективе. Однако лишь в новоевропейской ментальности можно зафиксировать четкую и недвусмысленную преференцию будущего, т. е. ту ситуацию, когда горизонт будущего доминирует и подчиняет себе все остальные временные горизонты. Более того, зона будущего не просто оказывается доминирующей, но и методично и рационально выстраивает *саму себя*, которое — увы — не столь уж подручно и послушно. Именно поэтому в структуру новоевропейского сознания вмонтирована «матрица» апокалипсиса, который, как известно, все равно произойдет не так, как его ожидают, предсказывают или пророчат.

Всеобщая/универсальная история и историзм новоевропейского сознания

Эсхатологизм новоевропейского сознания тесно сплетен с его историчностью, а если более точнее, то с универсальной историчностью. Подобное переплетение — это характерная особенность новоевропейской ментальности: эсхатологизм вовсе не обязательно предусматривает сочлененность с историзмом, и многие культурные традиции и соответствующие им типы сознания, например восточные традиции, ожидая или «конституируя» грядущие катастрофы, не выстраивали универсального видения исторического процесса.

Рассмотрим поэтому более подробно универсальный историзм, фиксируя его как определенную размерность определенного типа сознания, а именно новоевропейского сознания. Особо подчеркнем, что речь сейчас не идет о «реальной истории», т. е. не о номенклатуре фактов, свидетельств, останков, преданий и т. п., но именно о «матрице» сознания, т. е. мы будем сейчас говорить не об объективной реальности истории человечества, о фактах, событиях и т. п., а о том, как течение истории, факты, события осмысливаются, согласно какой схеме они оформляются, символически проживаются и т. п.

Прежде всего, новоевропейский историзм как размерность сознания имеет свою историю: он «вырос» из религиозного историзма христианства. Сама ситуация формирования и развития новоевропейского типа сознания довольно интересна. Новоевропейское сознание и культура не просто «вдруг» появились на «пустом, не занятом месте», как это было, например, с греческой культурой, которая почти не связана генетически с предшествующими на том же географическом пространстве культурами (например, критской). Новоевропейская культура выросла на почве средневековой традиции, и именно поэтому многое из предшествующей культуры, архетипов, моделей, паттернов и т. п. предшествующей культуры оказалось включенным в становящуюся новоевропейскую культуру и ментальность. Конечно, большой пласт паттернов и символизма предшествующей культуры подвергся символической и онтической перекодировке, происходили замещения и деконструктивные преобразования. Подобной перекодировке была подвергнута историческая размерность сознания.

Что фактически произошло, если кратко. Христианская модель истории в основных своих позициях сохранилась, но была «деконструирована» в нескольких узловых позициях. Прежняя модель исторического постижения основывалась на следующем:

- наличие фигуры Бога как трансцендентального означаемого исторического процесса, т. е. того, что означивается (Провидение) в истории человечества;
- фиксация конца, он же — смысл, истории;
- осмысление роли человека как своеобразной «марионетки», которая вписывается в своих деяниях и помыслах в общеисторическую перспективу.
- наличие временной перспективы Будущего;
- универсальное видение исторического процесса: в христианскую историю сотворения и уничтожения мира вписывается любой феномен мироздания.

Почти все указанные позиции универсально-исторической размерности христианского типа сознания сохранились, будучи, конечно, перекодированы в согласии с общим дрейфом секуляризации. Это относится прежде всего к фигуре так называемого трансцендентального означаемого, или Бога (Провидение). В новой ментальности происходит «секуляризационное» перекодирование-замещение: место всевластного Бога в новой конфигурации истории занимают так называемые законы исторического движения. Именно закон исторического движения — то, что, фактически «контролирует» ход истории и предопределяет историческую интерпретацию прошедших событий, конечно, развертывая историческое повествование согласно новым правилам научного дискурса. Сама же научная тематизация нового варианта универсальной истории была реализована через несколько веков после кристаллизации новоевропейского историзма: первые попытки рассмотреть исторический процесс с подобной позиции, подкрепленные новым аппаратом познания, можно выявить лишь во времена Френсиса Бэкона. Само зарождение новой культуры и ментальности справедливо отнести ко временам раннего Ренессанса в Италии.

Эпоха расцвета универсальной модели постижения истории — это уже конец XVIII в. и весь XIX в. К универсальной модели истории прибегали и Вико, и Гегель, и Шеллинг, и Конт, Спенсер и Маркс и Энгельс. Конечно, фигура трансцендентального означаемого у каждого из мыслителей, а именно закон исторического движения, разная. У Гегеля — это диалектика абсолютного духа, которая на методологическом уровне прописывается как диалектика понятия, а у О. Конта — стадийность исторического движения. Но суть от этого не меняется: историческое означивание трансцендентального означаемого не только предопределяет поток и смысл исторических событий, но и предусматривает минимальную значимость роли индивидуального актора исторического процесса, а именно конкретно человека, конкретной исторической личности.

Таким образом, сама история новоевропейского историзма не очень долга и фактически измеряется тремя последними веками, а начало заката универсальной истории в целом «совпало» написанием О. Шпенглером книги «Закат Европы». После «истории об истории заката Европы» мало кто из философов или историков отваживался на создание всеобъемлющей новой версии универсальной истории, разве что можно упомянуть концепцию истории Арнольда Тойнби. Но несмотря на то что научная мысль уже не отваживалась на создание очередных универсальных историй, сознание европейца XX в. — это сознание, «инфицированное» историзмом, а потому доминирующим концептуальным каркасом этого сознания является именно универсальная история, в том или ином виде или ракурсе представляющая в работах историков и теоретиков истории.

Вместе с тем в конце XX в. мы безусловно можем наблюдать тенденцию дальнейшего распада и деградации универсально-исторической матрицы. Вероятно, это происходит потому, что изменяется как типаж сознания, так и европейская и мировая культура, проживающая в ситуации глобализации, которая представляет собой экспансию тотальной деструкции и кластеризации реальности. Весомый вклад в кардинальную трансформацию сознания глобальной культуры современности вносит возникновение новой медиальной среды интернета, фактически не создающей добавочное культурное и коммуникативное «пространство»,

но формирующей новую реальность, реальность виртуального мира, обладающую уже онтическим и культурным приоритетом. В этой новой реальности все меньше и меньше места остается историчности как таковой: вневременность дигитального пространства постепенно «разъедает» историзм. Именно такова ситуация современности, которую можно уже маркировать как постсовременность, постреальность, смартреальность и т. п. В этой постсмартреальности возникают новые культурные и онтические диспозитивы и императивы и, соответственно, новые модели и размерности сознания, а прежние либо утрачивают свои доминирующие позиции, либо подвергаются существенной деформации и деконструкции. Это, без сомнения, относится и к историзму, и к существующему с ним бок о бок эсхатологизму новоевропейского сознания, принимающим довольно прихотливые формы.

Постреальности постсовременности и соответствуют постисторизм и постапокалипсис, какие бы анекдотичные формы они не принимали. И мы остановимся в заключительной части статьи на некоторых примерах современного конца истории и постапокалипсиса, которые мы можем обнаружить в работах Ф. Фукуямы и Ж. Бодрийяра, рассматривая их не только как фиксацию судьбы универсальной истории как интерпретационной модели в новой смарт-, постреальности, но и как описание того персонажа, а именно последнего человека, человека масс, который оказывается фактически «могильщиком» этой самой универсальной истории.

И эта фигура, как нам представляется, не случайна, ибо то, как определяется и самоопределяется человек, является тем, что задает горизонт конституирования всей культурной реальности, в том числе того, каким образом человек полагает себя в историческом горизонте. Именно то, каким образом позиционирует и определяет себя человек, является центром так называемой метафизической позиции (М. Хайдеггер), которая во многом предопределяет саму конституируемую реальность, в том числе в ее историческом горизонте: «Метафизическая позиция определяется: 1) способом, каким человек в качестве человека является самим собой, зная притом самого себя...» [5, с. 115]. То, каким образом мы (и, конечно, сам человек) определяем человека, является тем, что во многом объясняет то, каким образом человек интерпретирует, осмысляет и символически инфицирует временной горизонт истории. А потому та историческая модель, которая используется в современной ситуации, определяется тем, какой человек в ней является актором и интерпретатором исторического свершения. К сожалению, современный человек — это не пророк и не богоборец Прометей, но довольно «спокойная» фигура «последнего человека», человека толпы и масс.

Постисторический актер истории: последний человек масс

Великие события, как известно, протекают не с «шумом и треском» (хотя и такое случается, конечно), но тихо и незаметно. Именно таковой сценарий современного постапокалипсиса постистории. И связан он не только с тем, что исчезает или перекодируется «классическое» сознание новоевропейской культуры (а значит, и вся новоевропейская культура), но и с тем, что вместо «героичности» универсальной истории с ее иногда кровавыми, а иногда фантастически прогрессивными событиями мы оказываемся в некоем «болоте» неподвижного состояния общества. И это — при всех динамике и конкуренции, царящих везде! Давайте с этим разбе-

ремся, используя идеи и работы двух довольно авторитетных и в целом прозорливых мыслителей, а именно Ф. Фукуямы и Ж. Бодрийяра.

Наверное, наиболее известный «эсхатолог» современности — это Фрэнсис Фукуяма. Именно он ввел в научный оборот титул «конец истории», вполне отвечающий правилам современной презентации любого научного, политического, культурного и т. п. концепта или феномена: титул шокирующий и эпатажный. Правда, эти правила не так уж современны: эпатажность — неотъемлемый атрибут авангардного искусства, да и вся научная и культурная традиция новоевропейца всегда ориентирована была на новацию. Сам титул «конец истории» в принципе вполне вписывается в ту динамику «смертей» и «концов», которые в последние сто лет сопровождали научную гуманитарную рефлексию: от «заката (сумерек) Европы» О. Шпенглера до «смерти автора» у Р. Барта или смерти книги. Так что при всей «пугающей» и «шокирующей» зоне смерти название и основные позиции Фукуямы не слишком уж необычны и новы. Тем более что в самой работе речь идет не о каком-нибудь эсхатологическом сценарии для человечества, а о том, что определенная модель исторического движения подходит к своему концу.

Однако нас интересует, как мы уже указывали, не «реальная история» или то, как сочленяет и осмысляет Фукуяма исторические события, но модель его интерпретации истории, т. е. те формы и модели, которые переводят «ноуменальную историю» в ее феноменальный вид. А потому то, что говорит Фрэнсис Фукуяма о «конце истории», мы будем анализировать как конец или завершение определенной интерпретационной модели, а именно универсальной модели истории. Хотя, повторим, сам Фукуяма рассуждает об истории, или о том, что он маркирует как «История с большой буквы»: «...то, что, по моему предположению, подошло к концу, — это не последовательность событий, даже событий серьезных и великих, а История с большой буквы — т. е. история, понимаемая как единый, логически последовательный эволюционный процесс, рассматриваемый с учетом опыта всех времен и народов» [6, с. 6]. Именно подобным образом мыслили историю новоевропейские философы истории: «Такое понимание Истории более всего ассоциируется с великим немецким философом Гегелем. Его сделал обыденным элементом интеллектуальной атмосферы Карл Маркс, свою концепцию Истории заимствовавший у Гегеля...» [6, с. 6].

Заявляя о конце Истории с большой буквы, или Универсальной истории, сам Фукуяма явно пытается в некоем роде восстановить ее или, по крайней мере, заявить о том, что все же существуют механизмы, которые, возможно, продлят это универсальное временное развертывание человечества, тем самым «расписываясь» в том, что в его концепции, а значит, в его сознании, сама модель универсальной истории еще не умерла: «я... пытаюсь дать начальный ответ, ища в современной науке механизм, или регулятор, объясняющий направленность и логическую последовательность Истории» [6, с. 7].

Сам процесс окончания универсальной истории Фукуяма связывает с несколькими причинами. Первая — это ослабление тоталитарных и авторитарных режимов, не только являющихся в XX в. фактически «катализаторами» великих и часто трагических событий, но и придающих динамику движения мотором. Именно этот двигатель обеспечивает достижение общей цели, которая как раз и приводит к остановке эволютивного движения. Общая же цель развития — и в этом Фукуя-

ма поразительно схож с Гегелем или Марксом — достижение всеми государствами уровня либеральной демократии. Конечно, у Маркса или Гегеля «несколько иные» телосы исторического развития, но суть от этого не меняется: фиксируется цель, а цель является — о чем еще говорил Аристотель — одной из причин, которая приводит будущее к его бытийствованию.

Фактически Фукуяма заимствует — в чем откровенно признается — у своих предшественников (прежде всего Гегеля) и один из движущих историю механизмов — это борьба за признание, которая в ситуации демократии подвергается существенной деградации, что и способствует возникновению «могильщика истории». Но в отличие от диалектической истории у К. Маркса, где могильщиком истории выступает пролетарий, ибо именно он создает и борется за конец истории и построения бесклассового коммунистического общества, у Фукуямы таким выступает «последний человек» — идея, заимствованная им у Ф. Ницше. Вот каким образом описывает «могильщика универсальной истории» сам Фукуяма: «Типичным гражданином либеральной демократии является “последний человек”, который, будучи вышколен основателями современного либерализма, оставил гордую веру в собственное превосходящее достоинство ради комфортабельного самосохранения. Либеральная демократия порождает “людей без груди”, состоящих из желаний и рассудка, но не имеющих “тимоса”, умело находящих новые способы удовлетворять сонмы мелких желаний путем расчета долговременной выгоды для себя. Последний человек не имеет желания быть признанным более великим, чем другие, а без такого желания невозможны достижения. Довольный своим счастьем, неспособный ощутить какой бы то ни было стыд за неумение подняться над своими желаниями, последний человек перестает быть человеком» [6, с. 13].

Итак, история подходит к своему завершению не только потому, что человечество постепенно достигает «рая» либеральной демократии, но и потому, что возникает тот персонаж, который, лишенный тимоса и «драйва», не способен на великие свершения: последний человек последних времен! В отличие от сонма мыслителей и исследователей, с воодушевлением воспринимающих перемены, которые произошли и происходят в современном постиндустриальном обществе, Фукуяма скептичен, если не сказать пессимистичен. И надо сказать, что диагноз конца универсальной истории и конкиста мирового культурного пространства «последним человеком» — не только его диагноз. Столь же категоричен, правда, не сильно задаваясь вопросом об универсальной истории, другой современный мыслитель, Ж. Бодрийяр.

Конец истории для Бодрийяра — это скорее конец, завершение динамики развития капитализма, вступающего в совершенно новую фазу, которая уже не характеризуется динамикой борьбы классов и классовых противоречий. Бодрийяр явно не только симпатизирует марксизму, но и во многом является если не постмарксистом, то уж, по крайней мере, мыслителем с явно левыми взглядами, отличными, однако, от классического марксизма.

Прежде всего, Бодрийяр полагает — и с ним трудно не согласиться, — что современное капиталистическое общество — это общество не производства, но воспроизводства. Для общества, где доминантой является воспроизводство, существует лишь один значимый императив и телос — это воспроизводство status quo, причем воспроизводство любой ценой, даже ценой экономической целесо-

образности, выгоды и экономического роста. Мы живем не в век производства, но в век конца, заката производства, когда уже случилась самая важная, согласно Бодрийяру, революция, но это не революция пролетариата, которая, по мысли Маркса, должна привести к построению бесклассового общества, а структурная революция ценностей, когда «два аспекта стоимости, казавшиеся навек связанными между собой естественным законом, оказываются разобщены, референциальная стоимость уничтожается, уступая место чисто структурной игре ценности. Структурное измерение обретает автономию с исключением референциального измерения, стоит на его смерти. Нет больше никаких референций производства, значения, аффекта, субстанции, истории, нет больше никакой эквивалентности “реальным” содержанием... Победила другая стадия ценности, стадия полной отнесенности. Всеобщей подстановки, комбинаторики, и симуляции, в том смысле, что теперь все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются больше ни на что реальное...» [7, с. 52]. Подобную ситуацию Бодрийяр прослеживает повсюду в культурном пространстве современности — в социальных отношениях, производстве, сфере быта и предметов, где также конденсируются социальные отношения: «...предметы, их синтаксис отсылают к определенным социальным целям и социальной логике... Каждый индивид и каждая группа посредством предметов ищут свое место в некоем порядке, пытаются при этом своим личным движением поколебать этот порядок. Посредством предметов обретает свой голос стратифицированное общество...» [8, с. 27].

Таким образом, ситуация современного общества воспроизводства — это ситуация тотального доминирования симулякров третьего порядка, которая заменила и сместила симулякры второго порядка промышленного производства. Подобное положение дел является кардинальным сдвигом во всей системе социального и экономического ландшафта. Речь не идет о некоей косметической операции, когда прежние «игроки» несколько модернизируются, например, под воздействием современных интернет-технологий, как это видится, например, «гуру» исследований современного виртуального мира Мануэлю Кастельсу, который следующим образом описывает ситуацию экономики в «сетях интернета»: «Используя Интернет в качестве главного средства коммуникации и обработки информации, бизнес выбирает Сеть в качестве своей организационной Формы. Социально-технические преобразования пронизывают все экономическую систему, оказывая влияние на все процессы создания, обмена и распределения ценностей. В результате этого капитал и рабочая сила — ключевые составляющие любого бизнес-процесса — претерпевают соответствующие изменения в том, что касается их характеристик, а также способов их использования» [4, с. 85]. Бодрийяр полагает, что не существует уже ни классов, ни капитала в прежнем их облике и функционале, тем более речь не идет ныне о законах так называемой рыночной экономики или идеалах развития и процветания. В этом отношении Ж. Бодрийяр оказывается скептически и прозорливее многих современных исследователей.

Что же в наличии, если прежние императивы и акторы социального поля оказываются выведены вне игры? Остается тотальная симуляция третьего уровня симулякров, полный отрыв означающего от означаемого и «свободное плавание» знаков, потребитель, на которого нацелены социальные и экономические практики воздействия. Сам потребитель — это уже не активный актер, но пассивная масса:

современный «ландшафт» социального поля — это тотальное и гипертрофированное разрастание масс, приводящее к «поглощению и уничтожению культуры, знания, власти и социального» [9, с. 20–21]. Конечно, производство и воспроизводство толпы и масс — это не только современная эпоха, но современность замещает любое социальное движение и приводит его к стагнирующей ситуации тотального распространения масс.

Как определяет современный феномен массы сам Бодрийяр? Массы — это те, «кто ослеплен игрой символов и поработен стереотипами, это те, кто воспримет все, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным» [9, с. 20]. В ситуации господства масс и симуляционного режима третьего уровня масса поглощает все различия, приводя социальный ландшафт к инертной и пассивной однородности: «Масса вбирает в себя все знаки и смысл, и те уже не являются знаками и смыслами. Она поглощает все обращенные к ней призывы, и от них ничего остается» [9, с. 34]. Она «обходится без истины и без мотива. Для нее это совершенно пустые слова. Она вообще нуждается ни в сознании, ни в бессознательном» [9, с. 35]. Массы отказываются от истории, политики, вернее это все для них пустой звук, их интересует лишь каждодневное тупое потребление: «...полюсом силы оказываются уже не историческое или политическое с их абстрактной событийностью, а как раз обыденная, текущая жизнь, все то (включая сюда и сексуальность), что заклеямили как мелкобуржуазное и аполитичное. Именно этот “человеческий субстрат” воспроизводит общество воспроизведения, общество, где властвуют режимы симулякров третьего порядка. Само социальное оказывается зоной, где аккумулируется смерть социального. Отныне, — как заявляет французский мыслитель, — социальное умирает, так и не раскрыв нам полностью своей тайны» [9, с. 80].

Иными словами, происходит тотальная стагнация, все останавливается. В этом отношении история завершена, но не в результате катаклизма или достижения идеального состояния человечества, а как итог полной остановки движения и развития. Что ж, довольно печальный диагноз и результат «героического» развития человечества! Наверное, так и должно быть — постапокалипсис и не может быть иным...

Итак, суммируем то, что мы выявили у двух современных мыслителей. Исторические концепции Фукуямы и Бодрийяра отражают современное состояние историзма и эсхатологизма, которые можно маркировать как постисторизм и постэсхатологизм, которые, все еще сохраняя «ностальгию» по истории и апокалипсису, уже не фиксируют в современности, несмотря на, казалось бы, возрастающую скорость перемен и перерастание общества в глобальное кластерное постиндустриальное общество кардинального развития, а также акторов, которые способны это развитие реализовать.

* * *

Мы постарались в проанализировать современную ситуацию постисторизма и постапокалипсиса. Не наступил пока — увы или ура — конец универсальной истории ни как реальное завершение исторического процесса, ни как упразднение определенной интерпретационной модели исторического дрейфа человечества. Думаем, что верна будет следующая интуиция: конец света уже наступил, только не

все об этом знают. Только тогда, когда универсальная история не будет вообще волновать человечество, когда оно реально погрузится в мгновение-вечность Настоящего, только тогда, возможно, и произойдет то, что может быть маркировано как апокалипсис. Но он не будет сопровождаться ни катаклизмами, ни пророчествами о грядущем возмездии или остановке развития. Возможно, он уже наступил, потому, что человек масс меньше всего способен «влипать» в историю или быть ею озабоченным, разве что в формате исторических сериалов или компьютерных игр, использующих исторический «антураж». Возможно, конец истории уже наступил, ибо вневременно виртуального мира, где нет реальной дифференции, а есть лишь игра бинарного кода, все больше и больше инкорпорируется в нашу реальность, превращая ее в добавочную по отношению к виртуалу онтическую сферу. Какое есть доказательство этому? Все происходит так незаметно и буднично-суетливо, ибо именно таков истинный и реальный пост-Армагеддон: конец света уже наступил, только не все об этом знают...

А что последний человек, человек масс, как он переживает и проживает этот постапокалипсис? Он озабочен, конечно, апокалипсисом как игрушкой или фобией, с «наслаждением» пожирая фильмы-катастрофы или лениво читая в интернете: «Появился внедорожник Rezvani Vengeance, который поможет пережить апокалипсис. Компания из Калифорнии представила свою последнюю модель пуленепробиваемого внедорожника Vengeance» [10]. Ибо, как говорил о нынешних временах Ж. Бодрийяр, «вся реальность сделалась игрой в реальность...» [7, с. 152].

Литература

1. *LawfulGood* (2020), История ошибки 2000 года, Блог компании Альфа-Банк, ИТ-стандарты, Sobol, История ИТ. URL: <https://habr.com/ru/company/alfa/blog/517096/?ysclid=l8lkvot5v7871592787> (дата обращения: 23.10.2022).
2. Конец света (2012), *Википедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Конец_света (дата обращения: 23.10.2022).
3. Шпенглер, О. (1993), *Закат Европы*, М.: Мысль.
4. Кастельс, М. (2004), *Галактика интернет*, Екатеринбург: У-Фактория.
5. Хайдеггер, М. (1993), Европейский нигилизм, в: Хайдеггер, М., *Время и бытие*, М.: Республика, с. 63–176.
6. Фукуяма, Фр. (2015), *Конец истории и последний человек*, М.: АСТ.
7. Бодрийяр, Ж. (2000), *Символический обмен и смерть*, М.: Добросвет.
8. Бодрийяр, Ж. (2007), *К критике политической экономики знака*, М.: Академический проект.
9. Бодрийяр, Ж. и Сиоран, Э. (2020), *Матрица Апокалипсиса*, М.: Родина.
10. Говорун, В. (2022), Появился внедорожник Rezvani Vengeance, который поможет пережить апокалипсис, *Naked Science*. URL: <https://naked-science.ru/community/508434> (дата обращения: 23.10.2022).

Статья поступила в редакцию 15 октября 2022 г.;
рекомендована к печати 17 февраля 2023 г.

Контактная информация:

Соколов Борис Георгиевич — д-р филос. наук, проф.; sboris00@mail.ru

The post-apocalypse and the post-history*

B. G. Sokolov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sokolov B. G. The post-apocalypse and the post-history. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 2, pp. 274–288. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.206> (In Russian)

In the modern consciousness, they keep the “classical” historicity and eschatology taking the form of post-historicity and post-apocalypticism. Such a state of historicity can be recorded in models of the consideration of the historical process and the expectation of the end of history, both in the works of modern authors and at the level of “everyday” practices that use and exploit the history and the figure of the Apocalypse. It is worth noting that modern expectations of the Apocalypse are no longer so tragic, and the historical process is built in the logic of the “end of history”. All this makes it possible to label the current situation as a situation of post-historicism and post-Apocalypse of post-information society. This article suggests both the identification of the main positions and genesis of historicism in modern concepts of history. The analysis itself is conducted not from the standpoint of the “adequacy” or “falsity” of the proposed concepts, but from the standpoint of identifying the structure and historical dimension of the author’s consciousness in the concepts to be considered. From this point of view, the concepts of the modern authors considered in the article are a reflection of the new post-historicity of the “post-informational” consciousness. The author of the article considers historicism in the works of modern thinkers J. Baudrillard and Fr. Fukuyama as examples of modern post-historicity and its differences from the “classical” historicism and eschatology. The historical concepts of Fukuyama and Baudrillard reflect the current state of historicism, which can be labeled as post-historicism, which still retains the former “nostalgia” for history, no longer fixes in modernity, despite the increasing speed of change and the growth of society into a global cluster post-industrial society, cardinal development and actors who are able to realize this development.

Keywords: post-apocalypse, post-history, historicism, Fukuyama, Baudrillard, history of consciousness, New European culture.

References

1. LawfulGood (2020), The history of the 2000 error, *Alfa-Bank company blog, IT standards, Cobol, IT history*. Available at: <https://habr.com/ru/company/alfa/blog/517096/?ysclid=l8lkvot5v7871592787> (accessed: 23.10.2022). (In Russian)
2. The End of the World (2012). *Wikipedia*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Конец_света (accessed: 23.10.2022). (In Russian)
3. Spengler, O. (1993), *The Decline of Europe*, Moscow: Mysl’ Publ. (In Russian)
4. Castels, M. (2004), *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet*, Ekaterinburg: U-Factoria Publ. (In Russian)
5. Heidegger, M. (1993), European nihilism, in: Heidegger, M., *Time and Bein*, Moscow: Respublik Publ., pp. 63–176. (In Russian)
6. Fukuyama, Fr. (2015), *The End of history and the last man*, Moscow: AST Publ. (In Russian)
7. Baudrillard, J. (2000), *Symbolic exchange and death*, Moscow: Dobrosvet Publ. (In Russian)
8. Baudrillard, J. (2007), *On the Criticism of Political Economy of the sign*, Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)

---

* The article was supported by a grant of Russian Science Foundation, project no. 21-18-00174 “Historicism as a paradigm of the Humanities”.

9. Baudrillard, J. and Sioran, E. (2020), *The Matrix of the Apocalypse*, Moscow: Rodina Publ. (In Russian)
10. Govorun, V. (2022), 'The Rezvani Vengeance SUV has appeared, which will help survive the apocalypse', *Naked Science*. Available at: <https://naked-science.ru/community/508434> (accessed: 23.10.2022). (In Russian)

Received: October 15, 2022
Accepted: February 17, 2023

Author's information:

Boris G. Sokolov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; sboris00@mail.ru